

Владимир Егоров

Завтра сегодня станет вчера

Нековидные эмоции
в ковидные времена

Владимир Егоров

**Завтра сегодня станет
вчера. Нековидные эмоции
в ковидные времена**

«Издательские решения»

Егоров В.

Завтра сегодня станет вчера. Нековидные эмоции в ковидные времена / В. Егоров — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-553539-9

Действие пьесы происходит в купе поезда, где спутниками на короткое время становятся мужчина около 60 лет и женщина приблизительно 40 лет. Действие происходит в наши дни. Ковид напрямую не упоминается, но его тень несколько раз накрывает сцену. За короткое время собеседники успевают затронуть множество самых разных тем. К концу они начинают понимать, что эта встреча может очень сильно изменить их жизнь. Они и хотят, и одновременно боятся этого. Страх оказывается сильнее.

ISBN 978-5-00-553539-9

© Егоров В.
© Издательские решения

Завтра сегодня станет вчера Нековидные эмоции в ковидные времена

Владимир Егоров

© Владимир Егоров, 2021

ISBN 978-5-0055-3539-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

(В купе поезда двое. Мужчина и женщина. Сидят напротив друг друга. Он читает книгу, делая пометки маркером. Книга – учебник японского языка. Время от времени поглядывает на сидящую перед ним спутницу.

На женщине большие наушники. Что-то внимательно слушает, откинувшись назад и закрыв глаза.)

ОН. Уже около часа едем, а ничем кроме кивка головой, причем довольно сдержанного, спутница меня за все это время не удосужила. Интересно, она слышит меня в этих наушниках?

(Женщина снимает наушники и вопросительно смотрит на мужчину.)

ОН. Знаете, когда я ехал на вокзал на такси, из пятнадцати светофоров на пути восемь, на удивление, были зеленого цвета.

Я часто играю в эту игру: считаю долю таких, без ожидания, светофоров. Если больше сорока процентов, уже неплохо. Ну а если процентов пятьдесят и больше, как сегодня, то в этот день тебя непременно ждет удача. Проверено.

А вот видеть зеленый свет светофора далеко впереди не люблю. Как только подъедешь к перекрестку, обязательно зажжется красный, иногда на целую минуту. А то и полторы. Лучше, когда там горит красный, причем уже довольно давно. Тогда зеленый часто включается прямо у тебя перед носом.

Кстати, я заметил, что это же справедливо и в отношении любых планов. Если сначала все выглядит хорошо, а особенно отлично, то есть кажется, что горит «зеленый», то вскоре почти неизбежно случится какой-то подвох.

Нет, лучше, когда понимаешь, что без вмешательства «красных» все равно никак не проскочишь.

К чему я это все вам рассказываю? Может быть, чтобы скоротать время. А может быть, рассчитываю, что пятьдесят зеленых процентов все-таки сегодня сработают. Тем более, что красный передо мной здесь горит уже около часа. Пора бы и цвет поменять.

Давайте познакомимся. Ведь нам несколько часов придется быть довольно близко друг от друга. А такая комбинация – своего рода выигрыш в лотерею. Говорят, на нашей Земле то ли семь, то ли восемь миллиардов человек. Можно легко посчитать, с кем из них вы за свою жизнь пробудете рядом хотя бы несколько часов, особенно только вдвоем. Нет, не пробудите, а только можете пробывать.

У вас случайно нет чистой бумаги? Да вот салфетка подойдет. Допустим, вы проживете девяносто лет. Ладно, не буду жадным, пусть все сто. Или даже сто десять.

ОНА. у меня два вопроса. Во-первых, почему придется? Мне кажется, это слово подразумевает какую-то степень принуждения, хотя каждый из нас в этом купе оказался совершенно по своей воле.

ОН. А вы, оказывается, реагируете на мои слова, а то я вначале подумал, что придется ехать с египетским сфинксом. Да, вероятно, этот термин я выбрал не совсем удачно. Соглашусь.

Пусть будет «несколько часов, так случилось, мы проведем довольно близко друг от друга». Можно сказать, будем дышать одним воздухом, что в наше время уже само по себе порой опасно. Но, надеюсь, не здесь и не сегодня.

Ну, а второй какой ваш вопрос?

ОНА. Почему такое странное число? Почему сто десять?

ОН. Ну, более-менее осмысленную жизнь человек начинает самостоятельно вести лет с десяти. Конечно, это так, приблизительно. Некоторые и до сорока остаются почти младенцами. А есть и такие, которые вообще этот мир покидают невинными овечками. Но давайте ориентироваться на нормальных особей. Для них, если от ста десяти отнять десять, получается сто лет. Так просто удобнее считать.

В каждом году пусть будет сто дней, когда каждому из нас выпадает шанс провести какое-то более-менее длительное время в обществе другого человека, приятного, так себе или отвратительного – как повезет.

Конечно, про сто дней в год, как и про сто лет, я загнул. Так часто и так долго наедине, если вы только ни психотерапевт или, скажем, батюшка в церкви, который любит поговорить о душе, особенно заблудшей, в обычной жизни не общаются. Особенно в нынешней.

ОНА. Мне кажется и психотерапевта со священником тоже нужно исключить. Прежде всего потому, что такое общение функциональное, то есть в какой-то мере вынужденное. Как и с продавцом любого товара.

ОН. И здесь должен с вами согласиться. Но что у нас получается даже в идеальном варианте? Тут и салфетка не нужна. Сто на сто. Десять тысяч шансов из, для простоты счета, десяти миллиардов человек. Итого примерно одна миллионная, к тому же растянутая на целый век, и поэтому на каждый год приходится вообще каплеюшечка. А в реальности таких встреч, конечно, еще меньше.

ОНА. И к чему вы мне это все говорите?

ОН. А к тому, милая барышня, что мы обычно не умеем, да и не хотим, пользоваться этими редкими моментами. И к тому же особыми. Ведь говорят же, что ничто и никто в этой жизни не встречается просто так, полностью случайно. Все предопределено. Но каждый такой случай нужно реализовать до конца. Ведь второго именно такого шанса никогда больше не будет.

ОНА. Если предопределено, это значит, что где-то лежит сценарий, где все мы и все наши действия и встречи подробно расписаны. Так по-вашему?

ОН. Не знаю, есть ли такой сценарий физически, но... Вы ведь знаете, что у каждого человека отпечатки пальцев уникальны. Зачем? Может быть, там и записан такой сценарий.

Ведь в природе ничего просто так не делается. Можно вспомнить и о хиромантии. Или вот родинки на теле. Это ведь только кажется, что у каждого человека они расположены хаотично, но, скорее всего, за этим кажущимся беспорядком лежит что-то, чего мы пока не знаем.

ОНА. Но если все расписано, то и исход каждого действия и каждой встречи известен. В этом случае результат автору этого сценария не интересен: он и так его заранее знает. Хотя, может быть, это все демонстрируется каким-то не ведомым нам зрителям, хотя вряд ли.

Поэтому, с научной точки зрения, это уже не опыт, а подтверждение результата, то есть проверка.

Нет-нет. Мне думается, здесь более вероятен другой вариант. Рассказать мою версию?

ОН. Я весь внимание.

ОНА. Каждому человеку при рождении или даже зачатии выдается (уж не знаю, кто или что выступает в роли такого кладовщика) определенный набор качеств. Пусть число таких качеств – пятьдесят, и каждое из них по силе проявления может варьироваться от единицы до десяти тысяч.

Причем этот набор никогда в точности не повторяется. Вот, вы, допустим, на входе получили 341 единицу злости, 507 единиц любознательности, 7999 единиц ревности и так далее. А мне выдали 17 единиц гнева, 2564 единиц робости, 701 единиц гордыни плюс остальные ингредиенты. А потом те, кто проводят с нами опыты, смотрят, какими будут наши результаты на выходе.

ОН. То есть каждый человек полностью уникален?

ОНА. Почти, так как где-то обитает или уже прожил человек, у которого весь набор качеств почти точно такой же, как у вас, и отличается всего на одну единицу какого-то качества, например, он совсем чуть-чуть более бесстрашен, чем вы. Хотя, может быть, такой набор будет выдан когда-нибудь в будущем.

ОН. А узоры на пальцах, линии на ладонях и родинки на теле?

ОНА. А это своего рода бирки. Знаете, как на этикетках товаров сейчас пишут мелким шрифтом: соевого масла столько-то, жира – столько-то и далее по списку.

ОН. А какое отношение все это имеет к тем гипотетическим встречам, о которых я тут так долго распинался?

ОНА. А никакого. Во всех этих ваших десяти тысячах житейских пересечений каждый участник всего лишь реагирует на другого как на часть внешней среды, в которой он оказался. Другими словами, каждая из этих встреч – частный случай, не более важный для человека, чем..., скажем, выволочка начальником на работе.

ОН. Интересная трактовка. А для чего проводятся эти опыты?

ОНА. А для того, чтобы посмотреть, какая комбинация качеств наиболее подходит для обитания на этой планете или для определенных условий жизни.

ОН. А кем?

ОНА. А я этого не знаю. Но ведь есть же теория, что людей на нашей планете когда-то стали выводить как какую-то огородную культуру или вид домашних животных.

Причем относительно недавно, всего несколько десятков тысячелетий назад. Для истории это сущий пустяк.

ОН. Первый раз о такой гипотезе слышу, хотя этой темой давно интересуюсь. Знаете, что смущает в вашем рассказе?

ОНА. Что?

ОН. Слишком много кто-то, кому-то, зачем-то. Поэтому воспринимается слишком расплывчато. Но, соглашусь, достаточно увлекательно. Сами все это придумали или где-то прочитали?

ОНА. Честное слово, сама.

ОН. Конечно, за несколько тысяч лет нахождения в пустыне сфинкс может и не такое выдумать. А как вы полагаете, ваша теория распространяется только на людей или и на остальную флору и фауну?

ОНА. Может быть. мы ведь общаемся не только друг с другом. Очень многие заводят себе собак или кошек. Да и другие живые существа в домах встречаются.

ОН. Особенно у незамужних дамочек после сорока. Нужно ведь на кого-то обрушить свою не растрченную до конца любовь. У вас, кстати, дома какая-нибудь живность есть?

ОНА. Нет, пока обхожусь общением с себе подобными, хотя и не всегда с большой охотой. А у вас есть четвероногий друг?

ОН. Упаси Бог. Я, наверно, в прошлой жизни был кошкой. И поэтому в этой меня все собаки облаивают, даже самые маленькие.

ОНА. Интересно, а у животных отпечатки лап индивидуальны?

ОН. Может быть. Но мы, как говорил Александр Сергеевич, «ленивы и нелюбопытны». Нам гораздо проще закутаться в свои мысли, послать про себя или даже вслух куда подальше спутника или временного соседа и несколько часов медитировать, хотя рядом, может быть, в этот момент с тобой оказался именно тот или та, с кем тебе сильнее всего нужно пообщаться на этой Земле.

ОНА. Я догадываюсь, на кого вы намекаете.

ОН. Поэтому давайте знакомиться. Михаил Сергеевич. Можно просто Михаил. Или даже, если только у вас число единиц смелости больше трех тысяч, Миша.

ОНА. Ну, Миша, а я Маша. Просто Мария. Может быть, помните, был мексиканский сериал с таким названием. Я его, правда, не смотрела. Маленькая тогда была, но название запомнила.

Сразу же добавлю всю остальную информацию, которую вы у меня все равно будете у меня выведывать. Сорок один год. разведенная. детей нет. по профессии биолог. Живу в Пушкино. это на юге Московской области, в сторону Тулы, недалеко от Серпухова. Работаю в одном НИИ.

Ну и... чтобы не приставали (это за вами, мужиками, обычно водится), добавлю, что есть мужчина, с которым я, скажем так, дружу уже больше трех лет. Еду в командировку на двенадцать дней.

Вот, все секреты рассказала, и пытать меня вам уже не придется. Да и интерес у вас к попутчице после этого явно поубавится, что, может быть, и хорошо.

Хотя, если исходить из вашего утверждения о неслучайности общения, это пересечение в поезде для чего-то нужно.

ОН. Да, действительно. И знаете, что еще интересно. Если судить по вашему краткому биографическому спичу, описание всей нашей жизни можно уложить, если по-крупному, секунд в десять-двенадцать.

ОНА. Но все равно это длиннее, чем потом, когда, оказывается, каждому из нас в конце жизни хватает всего пары восьмерок цифр и черточки между ними. Меня это всегда интересовало.

Как и вы, я свою первую восьмерку знаю, а вторую, хотя бы наполовину, нет. А как бы я себя вела, если бы она мне тоже была известна? Допустим, это седьмое июля, пусть и без указания года. Это значит, что при приближении этого летнего дня я была бы предельно настроенной и ожидала бы какой-то пакости или чего-то необычного. Зато после того как часы покажут полночь была бы полностью уверена, что у меня в запасе есть по крайней мере еще год, целый год.

ОН. Ба, да вы философ. Хотя чего еще другого ждать от научного работника и, вероятно, любительницы заумных текстов. Давайте, если вы не против, я буду называть вас Сфинкс. Правда, это существо вроде бы мужского рода. Тогда надо как-то ваша имя подкорректировать. Нет, не имя. Ник. Так ведь сейчас говорят.

Вы в социальных сетях как себя кличете? Просто Маша? Или более экзотически? Леди М? Госпожа удача? Нефертити?

ОНА. Не ломайте голову. Нет у меня никакого ника, потому что я вообще не пользуюсь социальными сетями. У меня даже телефон все еще кнопочный. Да и наушники, как вы заметили, древние. Но менять не хочу. Я сильно привязываюсь к вещам. Да и к людям тоже.

ОН. И правда сфинкс. Откопан три дня назад археологами в одной из пустынь Африки и телепортирован в Россию.

(Слышен звонок телефона в ее сумочке. Достает.)

ОНА. Привет... Все нормально... Никаких проблем... Как приеду, позвоню... Арриведерчи... Бачи и аббрачи...

ОН. О, синьора знает итальянский?

ОНА. Синьора в этом языке пока знает всего несколько фраз, но его старательно учит. Именно этим я и занималась до нашего разговора: слушала очередной урок.

Мы договорились этими фразами пользоваться, когда вокруг кто-то есть, а то как-то неудобно говорить «целую» при других.

ОН. А почему итальянский, а не, скажем, английский?

ОНА. Ну, во-первых, в наши дни на английском многие фразы почти всем так же хорошо знакомы, как и на русском, а во-вторых английское «кисс» сильно похоже на наше кис-кис, что не совсем, а точнее совсем неромантично. А после поездки в Италию два года назад, которая произвела на меня огромное впечатление, я решила выучить язык этой страны. Но начала заниматься этим более-менее регулярно только недавно. Так что убиваю сразу двух зайцев: и новым языком овладеваю, и немного шифруюсь.

ОН. Он женат?

ОНА. Да (*немного задумавшись*), у меня в этом отношении все почти так же, как у той Нади с тем Ипполитом. Только Женя Лукашин никак не появится. Я уж и дверь на Новый год не закрывала, и в баню 31 декабря ходила. Осталось только напиться до беспамятства и поехать самой его где-нибудь искать... Шучу.

ОН. Бывает.

Пока вы тут упражнялись в итальянском со своим другом, я подумал, что до сих пор совершенно несправедливо относился к черточке между датами рождения и смерти у людей. Я все внимание уделял цифрам. Иногда считал возраст, до которого они дожили. А ведь, если подумать, черточка даже важнее и первой даты, и второй.

Первой люди обязаны родителям, вторая просто показывает время ухода человека со сцены, а все главное в жизни, оказывается, спрятано в этой черточке, почти незаметной в надписи.

ОНА. Вот. Заставила вас задуматься. Да и вы меня тоже со своим Сфинксом. Он мне понравился. Запомню. Вдруг когда-нибудь я все-таки запутаюсь в социальных сетях или все-таки обзаведусь какой-нибудь живностью. Вот тогда я себя или ее так и назову.

ОН. У меня знакомый завел улиток. Я никогда не ожидал, что такая животина может быть кому-то интересна. Биологи, зоологи и прочие естествоиспытатели, конечно, не в счет, так как это им по должности положено. Но ему действительно нравится за ними наблюдать. Оказывается они вовсе не одинаковы, как может показаться. У него две ленивые и малоподвижные, зато третья очень активная.

А вы, если провести аналогию, к какой категории улиток себя относите, сонных или динамичных?

ОНА. Хищных. Все-таки какие вы все мужики одинаковые. Начинаете с философских вопросов, а очень быстро скатываетесь на бытовуху. Хотя бы полчаса в первоначальной роли повыступали.

Более того, я даже знаю, как вы себя будете вести дальше. Давайте я об этом на салфетке запишу. Потом ее спрячу, а в конце вам покажу. Только условие. Если все произойдет по моему сценарию, обещайте, что исполните одно мое желание.

ОН. Согласен, но только, если это не будет опасно для моей жизни. ну, и не сильно повредит моему кошельку.

ОНА. Миша, да вы, оказывается, жадина и трус. Ах да, вы ведь в этом не виноваты. Такой набор качеств вам достался, в том числе 7114 единиц трусости и 6689 единиц жадности.

ОН. Может быть. Поэтому с меня все взятки гладки. Хотя меня скорее можно назвать просто разумным человеком. Хомо разумус. А вообще я считаю себя рациональным оптимистом.

ОНА. Ладно. Дайте мне две минуты, чтобы записать сценарий того, что вскоре произойдет. Почти неизбежно.

(Пишет на салфетке. Потом прячет ее в сумочку.)

ОН. Закончили? Можно продолжать?

ОНА. Можно, Миша-разумус.

ОН. Хорошо, что к нам никто больше не подсел. А то случайно попалась бы какая-нибудь толстая противная тетка или мрачный мужик. И ночью он храпел бы.

ОНА. Но, как говаривал один известный литературный персонаж, случайно даже кирпич не падает, что с учетом вашей теории означает, что каждая такая тетка и каждый такой мужик для чего-то в нашей жизни нужны.

ОН. Ну да. Хотя бы для того, чтобы послужить нам примером и назиданием. Чтобы не стать такими же.

ОНА. Вы действительно рациональный тип, Миша. Расскажите о себе чуть больше. А то я сразу же всю ценную информацию о себе выложила, а вы отделались пока только именем. Да и в отношении него у меня большие сомнения. Может быть, вы американский шпион? Слабо показать паспорт?

ОН. Маша, может быть, вы снова начнете исполнять роль сфинкса. Ваш напор начинает меня пугать. Когда вы молчали, мне было как-то...

ОНА. ...комфортнее?

ОН. Нет, не совсем то. Просто мне было почему-то легче молоть языком.

ОНА. Это потому, что вы были в свободном плавании, а теперь я на вас, неосознанно или намеренно, влияю. Вероятно, просто хочу быстрее вас вывести на мой сценарий.

Нужно же мне проверить, умею ли я быстро разбираться в людях, а не только в инфузориях и некоторых вирусах и бактериях.

ОН. Хорошо, что вы биолог, а не психолог, хотя каждая женщина, как у меня сложилось впечатление, уже с детства может отлично манипулировать другими, особенно мужчинами.

ОНА. Что, огромный опыт накоплен в этой области? Как говорят в науке, выборка была большой?

ОН. Ну, не то чтобы огромный, но какие-то результаты за пятьдесят девять лет жизни появились.

ОНА. Так. Возраст свой шпион выдал, если не соврал.

Тут не очень хорошо видно, но кажется, что на безымянном пальце его правой руки на нижней фаланге видна полоска чуть более светлого цвета, чем у остальной руки. Колечко давно сняли? Перед поездкой? Или уже здесь, в купе?

ОН. И правда говорят, что бабы (сорри за это выражение) в первую очередь на этот палец у мужчин обращают внимание.

ОНА. Все? Или только свободные?

ОН. Все. Любая женщина, независимо от своего семейного положения и возраста, вольно или невольно оценивает каждого встречающегося на ее пути самца. Конечно, в определенных возрастных пределах. То есть дети и глубокие старики не в счет. Хотя иногда такие старцы также пользуются вниманием, причем повышенным, правда, исключительно по меркантильным причинам.

Более того, вы хотите нравиться даже тем, кто вам не нравится. Для тренировки, наверно.

Причем весь процесс оценивания у вас происходит на автомате и очень быстро. Я где-то читал, что психологи выяснили, что для такой оценки женщинам достаточно всего сорока пяти секунд. Более того, изменить у вас эту оценку очень трудно, почти невозможно.

ОНА. А что у мужчин другой подход? Вы к нам относитесь, конечно, всегда равнодушно и воспринимаете нас совершенно нейтрально.

ОН. Конечно, нет. Разумеется, тоже оцениваем, но гораздо реже и дольше.

ОНА. Ну, а я попала в вашу выборку? Или не удостоилась такой чести?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.